

18+

ИНИЦИАТИВА НАКАЗУЕМА

ИДА МИЛЛЕР

18+

Ида Миллер

Инициатива наказуема

«Издательские решения»

Миллер И.

Инициатива наказуема / И. Миллер — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-624740-6

В одну ночь жизнь простой студентки Адены изменилась навсегда: ее похитил человек, который оказался вампиром из древних легенд. Для поддержания молодости и здоровья ему нужна свежая кровь, но только ли в этом смысл его жизни? Что он скрывает в своем особняке, и какие грязные секреты хранят его слуги? Адена вынуждена погрузиться в тайны современного вампира, чтобы избежать опасности и сохранить себе жизнь. Но есть в этом доме еще кто-то, кого нужно вытащить из заточения.

ISBN 978-5-00-624740-6

© Миллер И.

© Издательские решения

Содержание

Часть 1. Мата Хари	6
Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	17
Глава 4	27
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Инициатива наказуема

Ида Миллер

© Ида Миллер, 2024

ISBN 978-5-0062-4740-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть 1. Мата Хари

Глава 1

Счастливейшие из людей те – кто не имеют секретов. Даже не замечаешь, как легко живется обычной повседневной жизнью, когда не нужно ничего скрывать от окружающих. Это прекрасное чувство, когда не нужно думать о том, как спрятать свой секрет еще глубже от близких или как выкрутиться в случае прокола. Каким образом встать, сесть, говорить – главное, не выдать себя и даже не допустить у человека мыслей, которые могли бы навести на твою тайну, – вот, к чему сводится жизнь, когда большие и маленькие секреты пронизывают тебя насквозь.

Начинается все с детства. Наступает период, когда ребенок хочет жить какой-то своей жизнью, отдельной от родителя, хочет чем-то от него отличаться и кажется себе ужасно взрослым, когда обзаводится секретом – неким обстоятельством или фактом своей биографии, который нельзя говорить маме и папе. Я не была исключением. В начальной школе мы с подругами вели специальные дневники, где записывали свои переживания, оформляли их красивыми наклейками, лентами и блестками. Что это были за запретные сведения? Например, там мы писали, что съели конфету со стола без разрешения или что не почистили зубы на ночь. Мы лгали и всячески сопротивлялись правилам, установленным нашими родителями, чтобы казаться себе и друзьям более самостоятельными и свободолюбивыми. Конечно, сейчас, это видится ерундой, а нечищенные зубы оборачиваются катастрофой для здоровья и внушительными счетами от дантиста.

Через каждый возрастной этап жизни события прошлого кажутся либо позорно смешными, либо до ужаса стыдными.

В средней школе, например, я скрывала, что пробовала курить. Узнай об этом мама, то отшлепала бы меня ремнем без всякой жалости. Примерно тогда же меня обвинили в краже карманных денег у одноклассника, которые я, естественно, не брала. Я сильно переживала из-за этого, пока не выяснилось, что одноклассник сам потратил деньги и выдумал кражу, обвинив в этом человека, чья семья, вот удача-то, еле сводит концы с концами. Об этом я тоже никому не сказала, потому что мать бы только покачала головой, и больше никакой помощи я бы не дождалась от нее.

Моя семья никогда не хватала звезд с неба, но в конце средней школы начался апогей финансовых трудностей. Отца сократили, он долго нигде не мог устроиться, работал как проклятый круглыми сутками при любой возможности. Мать вообще не окончила институт, да и, если честно, работать она не особо любила, и хранительницей домашнего очага была весьма посредственной. Я завидовала своим одноклассницам, чьи матери учили их печь вкусные пироги, заплетали красивые косы и даже водили в театры и прочие приличные заведения. Моя родительница большую часть времени проводила за телевизором, в школу она мне не давала ничего сытнее бутерброда с сыром, а карманные деньги выделяла только по большим праздникам. Поэтому, когда в нашей семье все стало совсем плохо, она даже с места не сдвинулась, чтобы помочь мужу. Надо сказать, что я ее вовсе не виню. Таким она была человеком, тяжелым на подъем и немного инфантильной, и считала, что моим воспитанием должны заниматься учителя, правительство, улица, телевизор, но только не она. Иногда мне казалось, что я приемная, но на общих фотографиях все-таки находила подозрительно схожие черты лиц моего и родителей, и тревоги отступали. Я любила мать и отца, несмотря на все мои претензии к ним. Я продолжаю любить родителей и сейчас, хотя мы мало общаемся. Кто знает, возможно,

именно они закалили мой характер. Не получая от них помощи, я научилась сама справляться с трудностями.

Все детство я жила в каком-то странном вакууме из однообразия и стабильности и думала, что так и будет всегда. Смотря на своих отца и мать, я даже не задумывалась, что, может, стоит подыскать подработку, или попробовать обратиться к классному учителю, чтобы он помог нам оформить какую-то социальную помощь. Мне думалось, что этот бутерброд с сыром – это то, что я заслуживаю. Ни больше, ни меньше. Не бывает других бутербродов: ни с колбасой, ни с маслом, ни, боже упаси, с джемом. Вся моя Вселенная строилась на этом принципе и была по-своему верной. Я не стремилась к недостижимым высотам, но и не сетовала на судьбу. Наверное, это была определенная психологическая защита, чтобы не слишком переживать из-за чужого благополучия и не завидовать зря. Моя картина социального неравенства выглядела так, будто человек, неспособный позволить себе модный гаджет, не имеет права даже приближаться к тем, кто его позволить мог. От меня ничего не требовали, и я ничего ни у кого не просила.

Но потом я внезапно повзрослела, и пришлось во многом измениться.

Все началось с профориентации, когда пришла пора выбирать: поступить в университет, пускай даже в долг, либо сразу пойти работать. Родители вдруг востепенели и решили, что если я просижу штаны кассиршей в супермаркете без образования и амбиций, то точно в люди не выйду, поэтому решено было поступить в колледж с уклоном в точные науки. Конечно, у них был свой корыстный интерес, который я не сразу разгадала: они избавляются от лишнего рта, да еще и приучают его к самостоятельности. В итоге я все же смогла сдать вступительные в колледж, что находился в пригороде Лондона. Для учебных заведений столицы, увы, моих знаний не хватило. Колледж находился слишком далеко от моего дома, и пришлось заселиться в общежитие. Я с предвкушением ждала переезда, уже представляя, как буду тусоваться с новыми друзьями, как буду сама распоряжаться деньгами, куплю себе много новой одежды и вкусной еды. О перспективах самого образования не думалось совсем.

Но как только я оказалась в комнате общежития на четырех человек – мой энтузиазм поулегся. Оказалось, что у меня совсем не выходит сходить с незнакомыми людьми. Не то чтобы эти девушки мне не нравились, мы здоровались и помогали друг другу по мелочи, но выдерживать этикет в общении с ними было той еще пыткой. Думала, что буду смеяться и петь под гитару с однокурсниками, а в итоге нашла работу и уходила на нее по вечерам, лишь бы не сидеть в общежитии с соседками. Работала я в книжном магазине, где занималась тем, что упаковывала покупки по интернет-заказам в пакеты и коробки. Занятие довольно скучное и однообразное, но после первой зарплаты мои глаза загорелись, я взбодрилась и стала ходить на работу с большим рвением. Часть зарплаты я отправляла родителям, остальное тратила на себя. Тогда-то я почувствовала вкус денег, пускай и небольших, и узнала, что бутерброды, оказывается, бывают многослойными, с разным хлебом, с овощами, соусами и мясом.

Кто бы мог тогда подумать, что эту «скучную работу» я в скором времени буду вспоминать с удовольствием и мечтать к ней вернуться.

Я успела отучиться в колледже один год, встретила совершеннолетие, получила небольшое повышение на работе. Больше не произошло ничего особенного. Я ни с кем крепко не подружилась, но приятельницами обросла. Однруппники и учителя порывались затасовать меня в какой-нибудь кружок самостоятельности, но я решила, что надо сосредоточиться на учебе, сдать экзамены и стать, наконец, банкиршей или финансисткой какой-нибудь, – что угодно, лишь бы больше никогда не есть пустые бутерброды с сыром.

Отвлеклась и совсем забыла, что одно важное событие все же случилось – первая любовь! Его звали Майкл, и он подрабатывал бариста в кофейне напротив колледжа. Цены там были невысокие, поэтому мои набеги на это место во время его смен не сильно сказывались на кошельке. Все, что я о нем знала, – имя на бейджике. Реальное оно или нет, не знаю,

хотя меня это мало интересовало. Улыбчивый юноша, немного старше меня, всегда с радостью обслуживал нас, хохочущих над его шутками, студенток. Я смеялась вместе с остальными и с обожанием рассматривала его большие карие глаза, густые черные кудри и щетину, которая россыпью маленьких черных точек покрывала его подбородок. Сердце выпрыгивало из груди, когда он протягивал мне цветастый пластиковый стаканчик и как бы случайно слегка дотрагивался пальцами до моих ногтей, после чего обязательно извинялся. Я даже не думала познакомиться с ним поближе и пригласить на свидание, гораздо проще было мечтать.

Я не заметила, как прошло больше полутора лет на новом месте, и пришла пора экзаменов. Не поднимая головы, я сидела за уроками и тестами, учила билеты и решала задачи. Выходные, если я не проводила их на работе или за уроками, справлялись у нас в общежитии. На первом этаже кампуса была гостевая комната, которой частенько пользовались для тусовок, главное, вовремя ее забронировать. К моим соседкам заваливались парни, один из них был даже старше нас на десяток лет. Они громко пили, ели пиццу, смотрели телевизор и смеялись над всем подряд.

Как-то я проходила мимо, и один из гостей моих соседок, тот самый, старший, схватил меня за руку и посадил в центр компании. Мне было неудобно сразу уходить, поэтому просто сидела и слушала, о чем здесь говорят. «Старший» выпил немного пива, щеки его разгорелись, и он больше часа мучил нас нравоучениями. Потом он начал всех спрашивать о личном, о любви. Мне стало неловко, на его вопросы отвечать не хотелось из принципа. Я отнекивалась, усиленно изображала «ботаничку», которую интересуется только учеба. Как только компания не получила от меня ответов, они стали сплетничать о собственных похождениях, об ошибках и удачах. Из рассказов «старшего» я узнала, что первую любовь лучше пережить в подростковом возрасте, мол, будет что вспомнить; еще, что платить алименты ужасно утомительно, поэтому нужно подходить к созданию семьи максимально ответственно. Потом он сказал, что только что расстался с подружкой и зарыдал. В тот момент неловко стало уже всем, не только мне одной.

Эти парни и девушки так ярко и эмоционально описывали свои отношения, и с каждым рассказом моя самооценка падала все ниже. Я ничего не знала о любви, о людях, как строится взаимопонимание в паре – нужно было как-то исправлять это неприятное обстоятельство и добывать хотя бы теорию. Тогда я и обросла еще более страшным секретом (как думалось). Одна девушка из колледжа, с которой мы обменивались книгами, вручила мне небольшой любительский роман, охарактеризовав его, как «там все, что тебе нужно знать». Само произведение я боялась прятать в комнате и таскала его везде с собой, завернув в плотную цветную обложку. Иногда вместо главных героев романа я представляла себя и Майкла, отчего сразу вспыхивала румянцем и шла на кухню остужаться стаканом воды.

Конечно, рано или поздно все стало понятно даже мне. Еженедельные рассказы о чужой личной жизни и вечные советы от «старшего», который продолжал к нам ходить и как-то странно на меня смотрел, сделали меня более уверенной. Смешно сказать, но я даже стала считать себя гуру романтических отношений, несмотря на то что у самой никогда на них даже намека не было.

Соседки давали мне ответы на множество важных вопросов, хотя на самом деле я нуждалась в тот момент в совсем других знаниях. В моей голове строились розовые замки, а мысли о будущем были сплошь светлыми. Возможно, это был самый счастливый период моей жизни, которым никогда не успеваешь насладиться. Тогда я не думала о возможных опасностях, даже мысли не возникало, что самая большая проблема – это моя отзывчивость, и именно она приведет меня в беду. Если когда-нибудь у меня будут дети, первое, чему я буду учить их – не разговаривать и не доверять незнакомцам.

Недавно я выяснила, что за ночную смену на складе книжного платят больше. Уговорив директора, я осталась до полуночи на складе, где распаковывала коробки с товаром и выкладывала его на специальные тележки, чтобы отвезти и расставить на полках. Мне нравилось приклеивать ценники и ставить книги на специальные вертикальные подставки. Многие из них были дорогими, с красиво оформленными обложками. Новинки с яркими заголовками и кучей выдуманных к ним рецензий вызывали желание купить и поскорей почитать свежий бестселлер. Несмотря на то, что меня окружала сплошь приличная литература, я то и дело возвращалась к тому бульварному роману, который мне любезно одолжила однокурсница. Словно талисман, я носила его в рюкзаке, и в глубине души надеюсь, что его любовные флюиды прилетят ко мне Майкла.

За половину ночной смены мне выдали сумму наличных, в любом случае большую, чем я обычно получала. Радостная, я шла домой и думала, что надо бы зайти в круглосуточный магазин и прикупить чего-нибудь вкусенького. Добираться до общежития было всего ничего – пара автобусных остановок. Была уже глубокая ночь, и автобусы ходили раз в час, поэтому пройтись пешком было единственным вариантом.

Тихо напевая, я просчитывала в голове примерный план своих трат, в который входили новые кроссовки, подарок родителям на годовщину свадьбы и пара плотных обедов в бургерной. Вдыхая теплый ночной воздух, я наслаждалась тишиной и нежным ветром, который трепал волосы. На безлюдной улице я казалась себе единственным живым существом на планете, и настроение было на редкость прекрасным. До нужного подъезда оставалось пройти пару домов, когда кто-то со спины коснулся моего плеча. Голос человека, обратившегося ко мне, был такой глухой и будто прокуренный, что я не сразу поняла, что он говорит. Будто выплывший из стены высокий мужчина, немного сгорбленный, одетый во все черное, с жутким акцентом попросил ему помочь. Обтянутой перчаткой рукой он протянул мне бумажную карту нашего города и ткнул в какое-то место рядом с улицей, по которой я шла. Первое, о чем я подумала, почему он весь затянут в теплую одежду, когда все вокруг, и я в том числе, ходят в одних майках и шортах.

Незнакомец продолжал спрашивать, как пройти к гостинице.

«Гостиница? Ночью, и даже без багажа?» – размышляла я, медленно объясняя дорогу и произнося слова разборчиво, чтобы он понял. Но иностранный гость с недоумением разводил руками, нервно мычал и озибался. Его руки слегка подрагивали, как при треморе, я часто такое видела у пожилых. Я сама придумала, что он потерявшийся в чужой стране пенсионер.

Разглядеть лицо незнакомца было невозможно: он натянул шарф на нос, и глаза закрыла широкополая шляпа. Мы стояли с ним посреди полупустой улицы, освещаемой лишь ночным фонарем, и с недоумением смотрели друг на друга. Незнакомец показался мне жалким. Если я ему не помогу, то кто? Вдруг у него деменция или что-то в этом роде. Он вышел из гостиницы, потерялся, а вернуться не может. В конце концов, на его месте мог оказаться кто угодно. Потерявшийся турист, да еще и явно плохо понимающий английский, нуждается в помощи. Быстро подумав, я решила, что обстановка не слишком подозрительная, потому что по улицам все еще ходили люди, ярко светили ночные фонари, а сама гостиница находилась буквально в полсотни метров от общежития. Можно было проводить его и быстро вернуться к себе.

– Я вас провожу, – выпалила я и поманила его за собой.

– Спашибо, – прошептал незнакомец на каким-то «шипящим» акцентом и пошел рядом со мной.

«Поляк что ли», – подумала я и украдкой, чтобы он не заметил, стала его рассматривать. На затылке из-под шляпы немного выбивались седые волосы. – «Да он же действительно дед! Тем более. Нужно помогать старшим, мало ли, может у него склероз или дезориентация».

Меня переполняла гордость за свою гражданскую сознательность, и я уже нафантазировала, как доведу его до пункта назначения, а он благодарно пожмет мне руку и, быть может, скажет какое-то вдохновляющее напутствие на прощание.

– Как тебя шовут? – пропыхтел мой спутник.

– Адена Сайкс, или просто – Ади, – я улыбнулась ему, но не нашла никакого эмоционального отклика с его стороны и снова сделала серьезное лицо. – А вас?

– Анакшимандер, – казалось, он с трудом выговорил собственное имя.

«Как-как?» – я проговорила про себя несколько раз, но так и не запомнила полностью, только окончание – «дер». Имя тут же вылетело из головы.

– Вы турист? Откуда к нам приехали?

Тут я заметила, что он отстал на несколько шагов. Обернувшись, я увидела, что он остановился у узкого переулочка, где обычно сваливают мусор. Сгорбившись, незнакомец вдруг схватился за сердце.

– Мне плохо... – он протяжно застонал.

Я не на шутку испугалась. Первое, что нужно было сделать, это вызвать скорую, но тело внезапно окоченело, и вместо того, чтобы полезть в рюкзак за мобильным, я в ужасе пялилась на то, как он корчится. Человек с необычной резвостью вдруг мотнулся в переулок, будто хотел спрятаться. Только когда он пропал из поля зрения, мысли и тело вернулись ко мне, я очухалась и побежала за ним. Однако, оказавшись посреди мусорных баков, я никого не обнаружила.

– Уважаемый, вы где? – спросила я окружавшие меня стены. – Я вызываю скорую!

Тут ладонь в резко пахнущей кожаной перчатке зажала мне рот и дернула назад. Другой рукой незнакомец схватил меня за руки, завел их за спину и сцепил длинными пальцами, словно наручниками. Он прижал меня к себе, и мы сползли вниз по стене. Голые плечи больно терлись о его кожаное пальто, а пальцы негодяя грубо впились в кожу. Я дергала ногами и пыталась мычать, чтобы хоть как-то привлечь внимание людей, но, как назло, улицы оказались пусты и безлюдны. Видимо, в тот момент я сильно ударила его пяткой по бедру, отчего он зашипел, как змея, и повалил меня на землю. Я оказалась зажата между ним и асфальтом, об который во время падения сильно оцарапала лицо и колени, и больше уже не могла двигаться.

Страх ударил в голову и сковал тело. На губах застыл вкус его кожаной перчатки. Наученная репортажами ночных новостей про убийц и маньяков, я с ужасом ждала, когда он стащит с меня шорты и трусы. Лежа на мне, он тяжело дышал в шею под ухом, а потом неожиданно облизал ее, от плеча до подбородка. Никогда еще я не чувствовала ничего более противного. Казалось, что гигантский слизняк елозил под моим лицом, и у меня нет никакой возможности отшвырнуть его и убежать. Краем глаза, морщась от отвращения, я видела, как двигается вместе с лицом его шляпа. Вдруг возникли странные мысли, которые испугали меня еще больше. Если бы он хотел меня, то давно бы уже это сделал, а не вылизывал шею. Тем более, он упирался бедрами в мои ягодицы, и я не чувствовала того, что обычно бывает у мужчин в таких ситуациях. Скорее всего, он извращенец, который не успокоится, пока не изуродует, или не убьет меня. Я запаниковала, стала дергаться с большим усилием, пытаюсь врезать ему локтем или ногой, но он держал так крепко, словно в железных тисках. И хотя он все равно продолжал лизать мне шею, я дрожала от страха, и слезы градом лились из глаз.

Вдруг я почувствовала, как четыре острия одновременно впиваются в шею, и опасения насчет маньяка подтвердились.

«Он хочет перерезать мне горло», – подумала я и уже приготовилась к смерти, когда снова ощутила скользкий язык на своей шее. Ранки больно щипали на воздухе и от его слюны,

а участки кожи, которые он не облизал, стягивались под действием свернувшейся крови. Я поняла, что моя шея и лицо заляпаны грязью и кровью, но незнакомец все продолжал то облизывать, то обсасывать мои раны. Рыдая от страха и отчаяния, я все еще не чувствовала, что он «готов» со мной что-то сделать. Можно сказать, я даже ждала, когда он перейдет к основным действиям, потому что, удовлетворившись, он, возможно, оставит меня в живых. Его странные манипуляции длились бесконечно долго, будто он выполнял какой-то обряд и не собирался останавливаться, пока я окончательно не истеку кровью.

Течение времени окончательно остановилось, и мир скукожился до одного маленького переулочка. Где-то там, далеко-далеко, были родители, мои соседки и Майкл, где-то там остались несданные экзамены и ненаписанные контрольные. Престижный институт и прибыльная работа больше не маячили на горизонте, ведь больше все это не имело значения.

«Пусть все это быстрее закончится, пожалуйста», – подумала я, и на душе вдруг стало так спокойно, словно я постепенно погружалась в глубины бескрайнего океана. Надо мной плавали рыбки, и солнце сквозь водную гладь слепило глаза. Была лишь одна проблема – что-то с неумолимой быстротой и тяжестью уносило меня с собой на темное, холодное дно. Но было уже все равно.

«Пусть все это быстрее закончится, пожалуйста», – подумала я, и на душе вдруг стало так спокойно, словно я постепенно погружалась в глубины бескрайнего океана. Надо мной плавали рыбки, и солнце сквозь водную гладь слепило глаза. Была лишь одна проблема – что-то с неумолимой быстротой и тяжестью уносило меня с собой на темное холодное дно. Но было уже все равно.

Глава 2

Я очнулась из-за сильной тряски, вибрация от которой отдавалась в ноющую шею. Мой едва работающий после долгой отключки мозг никак не мог сообразить, где находится. Я уставилась в потолок и поняла, что лежу на заднем сиденье быстро едущего автомобиля. Попытки повернуть голову и вообще пошевелиться оказались бесполезными, потому что как только я напрягала мышцы шеи, по мне словно проходилась огненный кнут, и боль стреляла в лицо и грудную клетку. Все, что я могла себе позволить, – это водить глазами по машине, смотря в окно, за которым была непроглядная тьма, и лишь когда на небе появился тонкий месяц, я поняла, что машина едет где-то в лесу.

Метнув глазами вправо, я увидела на передних сиденьях двоих: один вел, другой – тот самый в шляпе, который напал на меня. Должно быть, он дремал. Шляпа немного сползла с него, а сам он, немного сторбившись, уткнулся головой в боковое стекло. Водитель, тоже одетый во все черное, в балаклаве, закрывавшей все его лицо, кроме глаз, постоянно дергал зеркало заднего вида над собой и посматривал через него то на меня, то на спутника. Вскоре он заметил, что я очнулась.

– Как себя чувствуешь? – спросил он волнительно, будто действительно переживал. Голос молодой, но приглушенный. Водитель очень не хотел будить соседа.

«Именно это я всегда хотела услышать от похитителей», – подумала я и опрометчиво рискнула открыть рот, чтобы заговорить. Но стоило мышцам лица немного поработать, как шея снова вспыхнула огнем, и меня ужалил еще один приступ боли.

– Ясно, потом, – с некоторой досадой сказал водитель.

– Что ты делаешь? – мой похититель внезапно проснулся и рывкнул на водителя. Он оторвался от стекла, поправил шляпу и выпрямился на сиденье. Голос его слышался нормальным, без акцента и как будто более юным, чем казалось, когда он заманил меня в ловушку.

– Просто хотел узнать, как она себя чувствует. Дорога дальняя.

– Твое дело вести машину.

– Извините.

– Сколько мне еще учить, чтобы ты не лез, куда не просят.

– Извините, я больше не буду с ней разговаривать.

«Маньяк в сговоре с водителем...» – я представила, что меня продадут в рабство, либо уже продали этому извращенцу. Я мало что могла сделать, будучи не в состоянии даже пошевелить пальцем. Оставалось одно – просто находиться в сознании, думать о чем угодно, лишь бы снова не засыпать, хотя очень хотелось. Если я еще подслушаю их разговоры, то смогу выяснить что-то полезное. «Нужно выжить, нужно выжить, нужно выжить любой ценой».

– Я так устал... – похититель тяжело вздохнул. – И очень голоден.

«Дер, дер... Оникс...», – я пыталась вспомнить, как зовут гада.

– Вы потратили много сил в городе, еще и скрутило вас так внезапно. Разве раньше такое было? Не припомню. Неудивительно, что вы буквально разваливаетесь на части.

– Ничего, это скоро пройдет. Даже сейчас мне уже лучше. Ты бы слышал, как я разговаривал с людьми, – он хмыкнул. – Многие принимали меня за иностранца.

– Серьезно? Вы, да иностранец? – водитель искренне весело рассмеялся. – По сравнению с вами – они тут все иностранцы.

– Это ты верно подметил. Пожалуй, я еще вздремну, а ты не смей с ней разговаривать, пока мы не приедем, понял?

– Понял. Ваше слово – закон.

После этого они не издали ни звука. Похититель положил шляпу на лицо и, видимо, крепко заснул. Водитель больше не пытался со мной взаимодействовать, лишь периодически

ски посматривал через зеркало заднего вида, будто удостоверяться, что я никуда не делась из машины. Было темно и тихо, едва-едва гудел двигатель автомобиля. Я не заметила, как тоже впала в тяжелый сон.

– Никки, сходи открой ворота. Эти бездельники не удосужились даже встретить меня.

– Никто же не знал, что мы так внезапно вернемся.

Под грубые реплики человека в шляпе я открыла глаза. Черная ночь сменилась пасмурным утром. Сквозь едва приоткрытое окно машины на меня дул промозглый сквозняк. В машине никого не было, и голоса доносились снаружи. При свете дня можно было рассмотреть салон: машина явно дорогая, но не новая, светлые кожаные сиденья обтянуты прозрачной пленкой, старомодный дизайн гарнитуры с деревянными вставками выдавал любителей «ретро».

«Если уже утро, то скоро меня отметят отсутствующей в колледже. Если соседки обратят внимание, что меня давно нет в общежитии, что я обычно нигде не задерживаюсь, то через три дня с ними и с родителями свяжется мой учитель, они будут мне звонить, а потом в полицию. Точно, телефон же можно отследить, где мой рюкзак?!» – с проблеском надежды подумала я и чуть не расплакалась от счастья, когда увидела, что он валяется между сиденьями.

Мне все еще было ужасно больно, тело затекло, шея не двигалась, к тому же рядом с лицом появился неприятный запах гниения. Огромным усилием я подняла руку и зажала нос. Второй рукой потянулась к рюкзаку, но шею обожгло огнем, и я даже не смогла дотронуться до ручек.

– Где моя шляпа? – услышала я снаружи голос своего похитителя.

– Прошу.

– Иногда мне хочется придушить вас всех и намотать кишки на изгородь, черт возьми.

– Не горячитесь так. Видите, кто-то идет.

– Захлопнись. Сходи за носилками и потом отвези машину в гараж.

– Вы сегодня что-то не в настроении.

– Никки, еще одно слово, и я отрежу твой поганый язык.

– Понял, простите.

Послышались шорохи, шаги, добавились еще два женских голоса, один принадлежал явно взрослой даме, другой юной, возможно, моей ровеснице. Тут дверь машины открылась, и надо мной всплыло румяное девичье лицо. Блондинка с волнистым каре пару секунд с интересом меня рассматривала, а потом позвала еще кого-то.

– Мне не нравится ее бинт, эти желтые разводы выглядят не очень. Мисс Ди, давайте отнесем ее в медкабинет, – она снова склонилась надо мной так низко, что наши носы почти соприкасались. – Будет немного больно, но ты потерпи. Меня Моника зовут.

«Какой еще бинт?» – хотела спросить я, но не успела.

Не обращая внимания на сопротивления, мне на голову нацепили черный мешок, связали руки и ноги, переложили на носилки и недолго куда-то несли. Даже не видя, я поняла, что как минимум два раза меня спустили вниз по лестнице, скорее всего, это будет подвал или подземная тюрьма. По пути я пыталась кричать, но вылетал какой-то хрип.

– Если будешь вопить, тебе свернут шею раньше времени, – пропел девичий голосок около моего уха. Это звучало так ласково и обыденно, словно та девушка говорит такое по сто раз на дню.

Когда мешок сняли, я зажмурила глаза от ударившего в лицо электрического белого света, руки и ноги все еще были связаны, что только добавляло мне неудобств и страданий. Идеально белая комната с полупрозрачными шкапами и холодильниками ничем не отличалась

от какого-нибудь школьного медпункта или поликлиники. Передо мной стояли две женщины: Моника и та, что постарше. Обе были одеты в одинаковые закрытые белые платья до пола.

– Как тебя зовут? – начала диалог Моника, неестественно радушно улыбаясь.

Страх сковал меня, и я промолчала.

– Я же назвала тебе свое имя, давай познакомимся.

– Ад... Адена.

– Хорошо, Адена, – сказала взрослая женщина, а Моника уселась рядом со мной и взяла за руку. После холодной ночи в машине прикосновение теплой кожи действовало на меня немного успокаивающе.

– Она замерзла, мисс Ди.

– Сначала бинт.

– Ох, – Моника стала развязывать тугие узелки на моей шее, – сейчас тебе, возможно, будет неприятно, но ты должна еще потерпеть. Перевязка испортилась, и нужно ее заменить.

– С-спасите, – выдавила я с трудом, но не получила от медсестер никакого ответа на мой зов.

Моника продолжала слой за слоем снимать с меня бинт. Она делала это аккуратно и нежно, словно боялась причинить мне еще больше боли. Наконец, до кожи остался всего один слой.

– Мисс Ди, запах ужасный, дайте обеззараживающее средство.

Она приняла от напарницы стеклянную бутылку с марлей и протерла освободившиеся участки кожи. Затем медленно, сантиметр за сантиметром стала отрывать приклеившийся к ранам бинт. Было так больно, что думала, умру прямо там, у Моника на руках. Я закричала и принялась вырываться, отчего мне становилось еще хуже. Мисс Ди схватила меня за плечи, чтобы я не крутилась и дала Монике закончить процедуру.

– Вот это да, – вздохнула девушка, с отвращением посмотрев на грязный бинт, и кинула его в коробку с отходами под койкой, на которой мы сидели.

– Сепсис, – то ли спрашивая, то ли утверждая, спокойно сказала мисс Ди.

Краем глаза в отражении шкафов с медикаментами, я увидела, что правая часть моей шеи, почти до ключицы, сильно покраснела и покрылась сыпью, а четыре глубокие ранки под ухом были покрыты наростами запекшейся крови и нещадно гноили.

– Где хозяин сделал это с тобой? – мисс Ди посмотрела мне в глаза. Я испугалась внимательного и строго взгляда этой женщины, которая была примерно одного возраста с моей матерью, и даже чем-то походила на нее: короткие темные волосы, узкие губы и несколько родинок на лице.

– По-помойка, – я вздрогнула, вспомнив о событиях минувшей ночи. Ко мне снова вернулось мерзкое ощущение, когда человек в шляпе, которого она назвала «хозяин», напал на меня и творил жуткие вещи.

– Отец выбрал какое-то странное место, – тихо сказала Моника

– Уверена, что у него не было выбора, поэтому он так поступил.

– Обсуждаете хозяина у него за спиной? Ну-ну! – раздалось в дверях.

Человек сделал шаг внутрь и я, наконец, смогла увидеть своего похитителя во всей красе.

Благородный профиль с орлиным носом и длинные седые волосы до плеч выдавали в нем представителя какого-то древнего аристократического рода, он словно сошел с портретов королей времен Генриха VIII. Я не могла понять, сколько ему лет: морщин не было, но седые волосы и усталое, даже изможденное, лицо выдавали человека, который много повидал и знает что-то такое, чего не знает никто. Это был уже не тот старик, за которого я его приняла при встрече. У меня не укладывалось в голове, как такой приличный на вид мужчина мог организовать похищение невинного человека.

Высокий, все еще одетый с дороги во все черное, он с отвращением взглянул на мою рану. Надо сказать, что впалые темные глаза с глубокими фиолетовыми синяками под ними, тоже его, кстати, не красили. Уверена, что со стороны мы оба выглядели так себе.

– Хозяин, – прервала молчание мисс Ди. – Боюсь, вы не сможете использовать девушку обычным способом. У нее началась инфекция, скорее всего, попала грязь или Никки плохо продезинфицировал. Лечение займет от недели до двух.

– Так долго, – мужчина вдруг помрачнел. – А что насчет вен? Наберите в шприцы. Я не могу ждать еще полмесяца.

– Думаю, можно, но о сонной артерии на некоторое время придется забыть.

Я с ужасом слушала их диалог и никак не могла понять, о чем речь. Они хотят продать меня на органы? Выкачать кровь, чтобы сбыть на черном рынке? Или же я буду ходячим донором для какой-то нелегальной операции?

– Объясните ей все, что нужно, проводите в комнату и займитесь лечением. Моника!

– Да, отец! – девушка резко подскочила.

– Ты будешь приносить еду и следить за всеми ее передвижениями.

– Будет исполнено!

Раздав указания, мужчина еще раз внимательно взглянул на меня, не выразил ни единой понятной мне эмоции и вышел из медкабинета.

– Хозяин Анаксимандер сегодня такой добрый, – внезапно сказала мисс Ди. На ее лице появилась едва заметная улыбка.

Она обработала мне раны и помазала сыпь какой-то резко пахнувшей жирной мазью. Потом ввела несколько ампул антибиотиков и сделала еще какие-то уколы. Когда лекарство распространилось по организму, мне стало легче, и жажда жить снова проснулась. Но ощущение опасности все равно не покидало. Они заботятся обо мне не просто так, нужно держать ухо востро и искать способ побега, пока не стало совсем поздно.

С черным мешком на голове меня отвели в «мою» комнату. Вид ее не особо отличался от медпункта. Такие же белые стены, больничная койка, тумба и пустой пластиковый полупрозрачный шкаф.

У меня зарябило в глазах и пришлось сильно зажмуриться, чтобы после резких перепадов света и тьмы, наконец привыкнуть к чему-то одному. Шею мне снова забинтовали, и двигаться было все еще больно. Медсестры посадили меня на кровать, но развязывать конечности, видимо, не собирались.

Моника протянула мне бутылку воды с трубочкой. Я боялась это пить, хотя жажда мучила меня еще со времени пребывания в машине, поэтому лишь плотно сжала губы и откинулась назад.

– Адена, сделай глоточек, это обычная вода. Если ты не будешь пить сама, придется сделать рот в рот, – тут она ехидно улыбнулась и поднесла бутылку ко рту. – Отцу не понравится, если ты умрешь раньше времени.

Я вздрогнула и тут же поймала губами трубочку. Вода на вкус казалась обычной, без странного запаха или вкуса. Но не покидала мысль, будто они могли туда подмешать все что угодно. Глоток воды стал источником боли и облегчения одновременно. Я почувствовала, что через силу, но смогу с ними говорить.

– Помогите мне, умоляю...

– Адена, сейчас я тебе все объясню, – строго сказала мисс Ди. Все это время она стояла позади и собирала ампулы, чтобы сделать мне очередной укол. – Наш господин очень болен, для поддержания здоровья ему нужна свежая кровь. Уверена, ты сейчас подумала, почему мы не обратились в больницу.

Я вопросительно смотрела на нее.

– Хозяин болен крайне необычной болезнью, ее не лечат просто так. Можно сказать, что он единственный на целом свете, кто страдает от этого недуга. Как только он выздоровеет, то отпустит тебя. А пока ты поживешь здесь. Тебя будут кормить, поить, следить за твоим здоровьем. Считай это небольшим отпуском.

Я была в шоке от такого наглого объяснения. Как она может называть то, что меня едва не изнасиловали на помойке, похитили, заразили какой-то дрянью – отпуском? Это самая натуральная тюрьма. Зачем надо было похищать ее? Почему нельзя заплатить какому-то человеку, чтобы он добровольно давал себя «жрать»?

– У меня нет денег.

– Каких денег? – теперь уже удивилась мисс Ди.

– Моя семья – нищая, вам никто не заплатит.

– Никто не будет вымогать деньги у твоих родственников. Насчет твоего отсутствия мы уже позаботились.

– Что? – меня ударил озноб, сердце сжалось и бешено запрыгало в груди.

– Ты сбежала с парнем и попросила о тебе не беспокоиться.

– Ах вы, ублюдки! – закричала я и тут же согнулась от боли. Моника погладила меня по спине и предложила еще воды. – Отпустите меня! Я не собираюсь быть донором для какого-то психа!

– Да как ты смеешь! – мисс Ди одарила меня пощечиной.

– Мисс Ди, не надо! Отец приказал мне о ней заботиться, если нужно будет ее наказать, то я это сделаю! – вступилась за меня Моника, но ее слова не добавили мне радости.

Я упала боком на кровать и так и осталась лежать. После этой пощечины силы вдруг покинули меня, а все происходящее превратилось в бессмыслицу. Пока мисс Ди что-то вкалывала мне в руку, я думала, что мой сон слишком затянулся. Это действительно было похоже на сон: резкая смена декораций, странные люди, чьих диалогов я не понимаю, хотя они говорят со мной на одном языке. Единственное, что забирало у меня веру в то, что я однажды проснусь, – это физическая боль, которую я, не переставая, испытывала с тех самых пор, как повстречала Анаксимандера.

Я упала боком на кровать и так и осталась лежать. После этой пощечины силы вдруг покинули меня, а все происходящее превратилось в бессмыслицу. Пока мисс Ди что-то вкалывала мне в руку, я думала, что мой сон слишком затянулся. Это действительно было похоже на сон: резкая смена декораций, странные люди, чьих диалогов я не понимаю, хотя они говорят со мной на одном языке. Единственное, что забирало у меня веру в то, что я однажды проснусь, – это физическая боль, которую я не переставая испытывала с тех самых пор, как повстречала Анаксимандера.

Глава 3

Ночью меня бил озноб. Видимо, пока я спала под действием уколов днем, с меня сняли путы и можно было размять кости. Однако много часов я все равно провела в позе эмбриона. Я закутывалась в одеяло, но все равно не могла согреться. Никогда в жизни я столько не рыдала, как в ту ночь. Я плакала громко, навзрыд, выла, как волк.

Маленькая полоска лунного света, просочившаяся сквозь крошечное окно, буквально двадцать на двадцать сантиметров, украшала потолок. Дрожа от страха и холода, я прислушивалась к каждому шороху и пыталась уловить хоть малейшее движение жизни в этом странном месте. Я пыталась построить схему дома или подземелья, но так и не смогла. Все-таки было опрометчиво надеяться, что у меня вдруг проснется талант в мастерской ориентации в пространстве. Дверь медички закрыли на ключ, я уже проверяла. Замок был плоский и без единого отверстия, даже без замочной скважины. Видимо, он был устроен так, что изнутри, без ключа, открыть его невозможно, либо там был какой-то тайный механизм, типа магнита, или что-то в этом роде.

Окно находилось очень высоко, и своими размерами не оставляло шанса на побег. Единственное, о чем я точно знала, что мы находимся в какой-то глуши: лес или заповедник. Едва-едва шелестел ветер, но ни звуков машин, ни шума волн слышно не было.

«Это все сон, он все еще продолжается», – пыталась я себя успокоить. – «Нужно заснуть еще раз, и тогда я проснусь у себя в общежитии».

Вдруг я услышала, как замок закричал. В комнату вошла невысокая тень и тихо закрыла за собой дверь.

– Не бойся! – прошептал силуэт, и в голосе его я узнала Монику. Тут я подумала, что раз у нее с собой ключи, то нужно втереться в доверие и выкрасть их. Но в тот момент мне было так плохо, что я ничего не могла делать, лишь скрючившись дрожать и тупо пялиться в стену.

Моника подошла к тумбе, сбросила на нее темный плащ и, оказавшись в просторной ночной рубашке с длинным рукавом, не спрашивая разрешения, залезла на койку. Она дотронулась ладонью до моего лба.

– Бедненькая... Знобит?

Я утвердительно кивнула.

– Это нормально. Значит, организм борется. Я тебя вылечу, Адена, – она взяла меня за плечи и прижала к себе. Резкие движения снова стрельнули мне в шею, и я застонала.

– Ничего, что я пришла? Подумала, что тебе сейчас больно и одиноко.

– Спаси меня.

– Не могу. По крайней мере, не сейчас.

– Почему?

Я дышала ей в плечо, и эти обьятия малость успокаивали. Вот уж правду говорят, как только к побитой собаке кто-то проявляет нежность, она забывает обо всех пережитых страданиях. Моника скрестила руки на моей спине, и тепло ее кожи немного помогло избавиться от колотящего все тело озноба.

– Я не могу послушаться хозяина.

– Он держит тебя силой?

– Нет-нет, конечно, нет! – она захихикала. – Я рада быть рядом с ним, быть полезной и делать его счастливым.

«Она странно о нем отзывается, буквально недавно она называла его отцом, теперь хозяином. Возможно, он ей не родня».

– Что ваш хозяин за человек? Куда я попала?

– Ох, мисс Ди, конечно, многого тебе не сказала, но я буду с тобой честной, потому что хочу подружиться и помочь. Отец, он... Как это помягче выразить... Не совсем человек, скорее, вампир. Потому что для поддержания здоровья и молодости ему нужна свежая юная кровь.

– Это не смешно.

– Те четыре раны на твоей шее – его клыки. Он напал на тебя, потому что его тело начало ему отказывать. Другой причины нет.

– Почему я? Какого хрена? – я всхлипнула, хотя понимала, что если разревусь, то снова почувствую боль.

Конечно, мне не верилось в эти сказки. Моника изначально странно себя вела, и, возможно, пыталась запугать или привязать к себе. И у нее это почти получилось. Мне было так плохо, что я была готова верить во все что угодно.

– Отец очень стар. Ему уже лет двести, а то и больше. Но он такой потрясающий: самый лучший, самый умный, самый красивый... Я его боюсь и в то же время восхищаюсь. Он долго жил. Он видел, как рождаются и умирают короли, как начинаются и заканчиваются войны. За эти годы он завладел огромными богатствами, каких ты даже никогда не видела. В то же время он ужасно привередлив во всем! И особенно к своей внешности – он осматривает себя у огромного зеркала и, если находит хоть одну морщину или дряблость, то тут же идет за порцией свежей крови. Поэтому предпочитает держать такую вещь про запас. Когда он долго ее не пьет, то кожа его покрывается пятнами, волосы седеют, начинают отказывать ноги и руки, становится сложно бывать на солнце. Он превращается в разваливающегося старика. Продлить ему молодость может только кровь девственницы.

– А? – тут я пожалела, что не познала радости плотской любви немного раньше.

– Когда он уехал два месяца назад, то выглядел уже не очень хорошо, а когда приехал, стал похож на себя прежнего. Значит, твоя кровь ему помогла.

– То есть, мой козырь – это моя девственность? Если я перестану ею быть, то потребность во мне отпадет?

– Не знаю... Если ты ему понравишься, то он оставит тебя здесь, как мисс Ди. Вроде когда-то он тоже пил ее кровь, а потом они были любовниками, но он то ли перегорел к ней, то ли еще что-то у них случилось. Чего не знаю, того не знаю.

– А ты? Разве ты не подходишь ему?

– Я? Нет, конечно. Моя роль – быть его преданной слугой. Он выразил ко мне высшую степень доверия, я... – она понизила голос, – сама пробовала его кровь. От одной только капли я испытала такое неземное блаженство, а моя любовь к отцу взлетела до небес! Я верна ему до гроба. Но увы, не могу помочь вернуть ему здоровье.

Я ошарашенно смотрела на Моника, которая с горящими глазами и пламенной речью признавалась в любви к человеку, который превращает женщин в заложниц. Мне подумалось, что Моника, возможно, психически не здорова.

– Сколько вас тут?

– Отец, я, Никки, мисс Ди... и еще семь женщин. Это если тебя не считать.

– До меня были девушки?

– Я помню только одну, мне было шесть, а ей около двенадцати. Но она долго не протянула, отец выжал из нее все буквально за месяц. Мисс Ди говорила, что были на ее памяти еще две или три.

«Точно маньяк», – подумала я, и ужас снова накрыл меня с головой.

– Почему ты называешь его отцом? Вы родственники?

– Он мне неродной. Отец рассказывал, что забрал меня с улицы, но я ничего не помню о тех временах и росла уже здесь, в его доме. Когда была маленькой, то считала мисс Ди своей

матерью, но она была так холодна со мной. А потом я приняла кровь хозяина, и он стал мне настоящим отцом. Хотя этого можно было не делать, я и без того очень ему благодарна.

– Мне жаль тебя.

– Почему же? Лучше я буду носить ему еду и стирать одежду, чем меня бы продали в какой-нибудь бордель. Отец всегда говорил, что спас меня от ужасов внешнего мира, и я с ним согласна. Пока ты слушаешься и делаешь все, как он любит, то он хорошо к тебе относится.

– А кто такой Никки? Его сын?

– Пф, – Моника опять рассмеялась. – Конечно, нет. Он сын кухарки, что здесь работала. Она забеременела от кого-то из других работников, и это разозлило отца. Слышала, что он хотел убить их обоих, но в итоге расквитался только с ее любовником. С тех пор он не берет к себе в услужение мужчин. А ее сына он решил оставить. И Никки тоже принимал кровь, – она многозначительно на меня посмотрела. Я поняла, что она хотела этим сказать: Никки такой же псих, как и Моника.

– То есть Никки здесь единственный мужчина, кроме Анаксимандера?

– Ну да. А что?

– Да ничего, – нужно было срочно сменить тему. – Ты правда мне pomoжешь?

– Сделаю все, что в моих силах. Я люблю хозяина, но смотреть на твои страдания мне тоже грустно. Если ты будешь меня слушать, то мы сможем выйти отсюда, а там, на улице, решай уже сама. Может, ты тоже полюбишь отца и останешься с нами, – она положила руку на мою ладонь и легонько сжала ее. – Но сначала ты должна поправиться. Хорошо?

– Хорошо.

Наконец, у меня появилась надежда вернуться домой. Я все равно не особо верила, что мой похититель – это кровожадный вампир из баек, но запомнила все, что рассказала Моника. Скорее всего, у них тут какая-то секта, где неуравновешенный главарь промыл им мозги. А если он и правда вампир, причем, как показывает его образ жизни, весьма «очеловеченный», то к нему наверняка можно найти подход и обнаружить ахиллесову пятю.

Лежа на плече Моника, я снова смогла заснуть, чувствуя приятное спокойствие и умиротворение. Наутро ее со мной уже не было, а дверь была по-прежнему закрыта.

Первая неделя, проведенная в заточении, действительно походила на отпуск. Такие, знаете, каникулы в карцере. Меня кормили три раза в день обычной домашней едой. Поначалу я боялась ее употреблять, но Моника поела вместе со мной и, таким образом, показала, что пища не отравлена. Ее забота обо мне, какая-то материнская, немного пугала. Мысленно я старалась к ней не привязываться на случай, если она подставит меня. Тогда мне будет не так больно.

Она сидела со мной, пока я ела, помогала делать растяжку, потому что за сутки лежачего положения мои мышцы ныли от желания подвигаться. Я пыталась выяснить, где мы находимся, но Моника отнекивалась.

Огромной удачей оказалось то, что они поддерживали связь с внешним миром. Стационарный телефон, по словам моей надзирательницы, был у них только один, и чтобы им воспользоваться нужно набрать код доступа перед звонком, а его знает только Анаксимандер. Если нужно было куда-то позвонить, их хозяин все делал сам.

Продукты и прочие предметы для бытовых нужд раз в несколько дней ездил покупать Никки на машине, оттуда он привозил газеты и журналы. Моника даже передала мне пару книг, чтобы я не сильно скучала в заточении.

Получив литературу, я задумалась о судьбе своего рюкзака. Они могли его сжечь или выбросить, чтобы уничтожить улику, но надежда была. Я исследовала свою комнату вдоль и поперек, но не нашла ни розеток, ни батарей. Электричеством-то они пользуются, ведь нужно как-то готовить и стирать, да и у меня в комнатухе была на потолке плоская лампа, которая загоралась и гасла в строго определенное время.

Периодически заходила мисс Ди. Она делала мне уколы, меняла повязку, накладывала мазь. С легкой улыбкой она говорила, что я иду на поправку, и скоро боль покинет меня – я смогу, как и раньше, нормально двигаться, говорить и есть. Вот только, если верить Монике, выздоровление мне не на руку, наоборот, пока я болею, их хозяин ко мне не притронется.

И действительно, кроме медичек, я вообще больше ни с кем не общалась, пока мои раны не зажили настолько, что ко мне снова вернулась жизненная энергия. Мне было так одиноко, что я с нетерпением ждала очередного приема пищи, чтобы хоть словцом обмолвиться с живым человеком. После нашей ночи откровений Моника была немногословна и вела себя гораздо более сдержанно. Я планировала втереться к ней в доверие, а в итоге сама уже не могла без нее жить. Стоило серьезно подумать, кто еще из нас к кому больше привязался.

Еще через неделю покраснения и сыпь полностью сошли, а раны на шее не доставляли мне больше дискомфорта, хотя все еще немного болели. Я постоянно думала о том, что полиция уже точно объявила меня в розыск, и со дня на день сюда явятся офицеры, чтобы заковать всех обитателей этой тюрьмы в наручники и освободить несчастную жертву. Эти мысли помогали мне окончательно не падать духом.

Наконец, наступил тот самый вечер, когда состоялся последний мой разговор с мисс Ди, который обозначил, что мне нужно готовиться к переменам.

– Господин спрашивал о тебе, – сказала мисс Ди, попутно вставляя мне в вену иглу, чтобы набрать небольшую колбу крови.

– Очень мило с его стороны.

– По возможности говори Монике о потерях крови. Не забывай больше пить и съедать все, что тебе приносят.

– Угу, – промычала я, пока она прикладывала заспиртованную ватку к сгибу руки. – А можно мне выйти на улицу?

– Спросишь у господина. Если он разрешит, то можно.

Больше она ко мне не приходила. Лишь Моника продолжала исправно приносить подносы с едой, водой и книгами.

Новый этап моей жизни наступил в считанные минуты. Уже ближе к ночи ко мне ворвалась Моника с огромной сумкой. Она сказала мне срочно помыться и переодеться, потому что хозяин зовет меня на встречу. Ее спешка и паника напугали меня, и я не заметила, как она затолкала меня в душ.

Ванной комнаты в моей темнице не было, лишь санитарный уголок, метр на метр, встроенный в стену у шкафа. Я думала устроить потом, но количество воды из-под крана было строго ограничено. На дверь он не запирался, можно было только завесить проход шторкой. Стоя под струей горячей воды, я в очередной раз обозлилась, что они все предусмотрели, я даже не могу находиться без присмотра в ванной. Идти на встречу с этим монстром совсем не хотелось, и я подумала, что будь у меня хоть что-то острое, я бы перерезала себе вены или глотку.

«Старый хрен! Уверена, он хочет сделать меня своей любовницей. Нет никакого вампира, он просто маньяк с фетишем на девственниц. Надо просто врезать ему хорошенько и сваливать!» – думала я, намыливая лицо. – «А Моника? Под гипнозом или наркотиками, скорее всего. В наше время промыть кому-то мозги не так сложно».

– Давай я помою тебе голову, – Моника бесцеремонно отодвинула шторку и вошла внутрь.

– Не надо! Выйди! – я накричала на нее с перепугу и закрыла грудь руками.

– У тебя красивое тело, – она все еще стояла и пялилась, пока я хватала с крючка полотенце и судорожно оборачивалась им. – Мне вот не повезло. От природы у меня волосы секутся, зад плоский и талия далеко не осиная.

– Моника, еще одно слово, и я никуда не иду.

– Это невозможно. Если ты не пойдешь со мной, тебя силой поведет Никки, а он действует более грубыми методами.

– Еще недавно ты говорила, что хочешь мне помочь.

– Так и есть. Но сначала нужно узнать правила игры, а потом уже менять их.

«Подозрительно мудро сказано», – подумала я, все еще гневно посматривая на нее. После душа она расчесала мне волосы и заплела их в хвост. Переодеться предлагалось в свободное черное платье до щиколоток и длинными рукавами. Я чем-то была теперь похожа не медичек, но только в черном.

– Ваш хозяин предпочитает минимализм?

– В смысле?

– Ничего, забудь.

Снова мешок на голове, снова куда-то ведут под руку. Страх неведомого накрывает с головой, и будущее кажется мне мрачным и беспросветным. Возможно, завтра для меня уже не наступит.

Через некоторое время меня остановили, посадили на что-то мягкое и сняли мешок. Я завертела головой и увидела, что нахожусь в небольшой комнате без окон, с крашенными в бордовый стенами. Комната была завешана картинами и хаотично заставленной скульптурами. Сложилось впечатление, что я попала на склад художественного музея. Обычные электрические лампы на потолке и стенах освещали помещение, и моя догадка о том, что блага цивилизации здесь не чужды, успокоила меня. Посреди хаоса из невпопад стоящих мраморных римских профилей стоял небольшой обеденный стол с четырьмя стульями. Спереди, справа и слева от меня стояли еще мягкие стулья с резными спинками.

Моника толкнула меня вперед, довела до стола и силой усадила за него. Передо мной стояла большая белая фаянсовая тарелка и графин с водой. Спутница же моя куда-то испарилась, как только я обернулась в ее поисках. Тут я почувствовала, как кто-то провел пальцем по моим ранкам на шее. Я вздрогнула от неожиданности и боли и машинально прикрыла этот участок тела ладонью.

– Прошу прощения, что так вышло, – раздался рядом знакомый мужской голос. – Но, вижу, ты уже поправилась.

Я с нескрываемой злостью наблюдала, как мой похититель проходит рядом и садится напротив. Сегодня я видела его второй раз, и он изменился еще заметнее. Одет опять в черный костюм, но уже без шляпы и перчаток. Волосы его приобрели темно-русый оттенок, на лице как будто блистал румянец, а от синяков под глазами не осталось и следа. Надо сказать, что выглядел он весьма и весьма неплохо, а, главное, молодо. Нет в нем ничего «вампирского». Мне показалось, что это два разных человека. Возможно, так и есть, и мне просто коллективно дурят голову.

– Кто вы?

– Мы уже знакомы. Но так и быть, представлюсь еще раз – Анаксимандер.

– Это ведь вы похитили меня и держите взаперти против воли?

Он ничего не ответил, а только громко хлопнул ладонями.

– Моника! Ты хочешь меня голодом заморить?

Девушка пулей вышла из тени коридора, катя перед собой ресторанный тележку с едой. Она откупорила бутылку вина и поставила ее посреди стола, затем положила на тарелки по овощному салату и небольшому куску рыбного стейка.

– Предпочитаете полезную пищу? – не могла не съязвить я.

– Да, слежу за здоровьем.

Моника разлила вино по бокалам и, закончив с сортировкой, покатила тележку обратно в сумрак.

– Надолго я здесь? Как давно вы, – я сделала паузу, чтобы подобрать слово, – болеете?

Он снова ничего не ответил и с аппетитом студента, который перебивается с воды на хлеб, быстро поедая принесенное блюдо. Я решила, что говорить со мной откровенно никто не будет, и пошла в атаку первой.

– Скучно у вас тут. Давайте сыграем в игру?

– Какую игру? – он оторвался от салата и удивленно посмотрел на меня.

– В «Вопросы».

– Что это? – Анаксимандер прищурился.

– Каждый из нас будет задавать вопрос. Первый на него честно отвечает и ход переходит ко второму игроку, а если первый отказывается отвечать, то выпивает ровно полбокала вина, и ход опять переходит ко второму игроку.

– И кто проигрывает?

– Кто быстрее допьет бутылку, конечно, – меня порадовало, что он заинтересовался, хотя эту игру я придумала только что.

– Давай, – согласился он, поразмыслив пару секунд. – На правах новоприбывшей можешь начинать.

– Итак, сколько вам лет?

Он сделал глоток.

– У вас есть дети?

– Нет, и никогда не было. Ты часто прогуливаешься по ночам с незнакомцами?

– Нет, это было впервые, – мне стало противно от его вопроса, разбудившего жуткие воспоминания, а это только начало. – Вы женаты?

– Сейчас нет, но однажды был. Ты влюблена в кого-то?

– Да, он работает бариста и еще очень красивый, – вспоминать Майкла было приятно, но только не говорить о нем с этим человеком. – Где вы сейчас живете?

– Хм, – он ухмыльнулся и сделал глоток.

«Вот ублюдок!» – от досады я заскрипела зубами.

– Чем вы болеете?

– Старостью.

– Нужно отвечать честно! – я осмелилась перебить его.

– Это честный ответ. Моя главная и единственная болезнь – это время, называемое старостью. Теперь мой ход. Ты девственница?

– Нет, – я рискнула соврать.

– За нарушение правил будет штраф. Выпивай бокал до дна.

На голодный желудок спиртное совсем не шло, и я буквально давилась им.

– Снова мой ход? Я столько о тебе разузнал, что даже и не знаю, чем поинтересоваться. Но, ладно. Какие книги ты читаешь?

– Классику или про любовь что-нибудь, – вино ударило в голову и, чтобы не опьянеть, я принялась за еду. – Кроме вас и Никки, в этом доме еще есть мужчины?

Он осушил бокал и налил себе новый. Я заметила, что в бутылке осталось еще где-то чуть-чуть каждому. Анаксимандер все это время смотрел куда-то сквозь меня, его тяжелый взгляд будто сдавливал тисками мои внутренние органы. Мне стало трудно дышать.

– Вы отпустите меня, когда выздоровеете?

Он сделал глоток.

– Скольких до меня вы тут еще держали?

Снова глоток.

– Где мой рюкзак?

Опять глоток.

– Вы убьете меня?

Глоток.

Наконец, бутылка, как и наша посуда, опустела. Я сидела над тарелкой, по которой размазала салатный соус, и опустив голову, бесшумно плакала.

– Я не рассчитывал сегодня столько пить, – внезапно развеял тишину Анаксимандер. – Это ты хитро придумала, я едва не повелся. Особенно в конце.

Его тон так резко изменился с равнодушного на сердитый, что я струхнула и с опаской посмотрела в его сторону. Но его за столом уже не было. Вдруг он из-за спины схватил меня за руку и потащил за собой. Его пальцы, как клешни, впились в меня и, все еще продолжая реветь, я бесполезно била его по руке.

Одним рывком он толкнул меня, и я приземлилась на маленький диван, стоявший недалеко от стола.

– Ты играть со мной вздумала! – рявкнул он, прижимая мою голову к подушкам. – Куску мяса свободы не давали! Маленькая шлюха!

Знакомая боль дала о себе знать, когда он прижался ртом к моей шее. Я почувствовала его передние зубы, державшие меня, словно собака лесную дичь, а потом и четыре клыка, два верхних, два нижних. Они вонзились в меня с такой же безжалостностью, как и в первый раз. Я закричала, но он тут же зажал мне рот. Когда он перестал вводить клыки под кожу и остановился, присосавшись, ворочая языком и облизывая вытекающую из ран кровь, мне даже стало почти не больно. Второй раз я закричала, когда он вытащил из моей шеи зубы. Все еще продолжая кровоточить, я прижала к коже длинный рукав платья.

«И вправду вампир», – теперь я, наконец, удостоверилась в его сущности.

Анаксимандер все еще нависал надо мной, смотря куда-то вниз, на мои колени, и глубоко дышал.

– Как же хорошо... – выдохнул он, а затем встал и с упоением погладил свое лицо, размазав вокруг рта мою кровь. – Истинное блаженство.

Вдруг на меня накатила слабость, и я обессилено опустилась на пол, все еще держа руку у шеи. Все, что я видела перед собой, были ножки стола и ботинки вампира.

– Теперь так будет всегда, Адена, – услышала я его сдавленный голос над ухом. – Ты – моя рабыня. Если захочу, ты будешь свободна, а если передумаю, твою голову подадут мне на завтрак.

Сказав это, он окликнул Монику и приказал ей увести меня.

– Что ты наделала, идиотка? – Моника вела меня под руку обратно в комнату. – Я же говорила, не смей ему дерзить, будь покорной и покладистой! Когда я увидела, что ты затеваешь с ним спор, у меня чуть сердце в пятки не ушло. Я уже приготовилась к тому, что он убьет тебя!

Из-за мешка на голове я не очень хорошо ее слышала, но понимала, что злится она не на шутку. Шея опять разболелась, и ко мне вернулись слегка позабытые ощущения двухнедельной давности. Он укусил в другое место, спасибо, что не в те же самые раны, но впечатле-

ния от этого лучше не стали. Наконец, я поняла, почему прошлая девочка так быстро умерла. Такими темпами он и из меня все выкачает.

– Иди сюда, – Моника дернула меня за собой и одним движением сняла мешок. Она завела меня в узкий коридор, где светила всего одна тусклая лампа на потолке. По оба конца коридора никого не было, и я смогла осмотреться и хоть как-то представить, каких размеров этот странное место.

– На этот раз все не так страшно, – она рассматривала свежие укусы. – Быстро обработаем и будешь, как новенькая.

– Я так долго не протяну, – от жалости к себе я снова всхлипнула.

– О, не плачь, милая. Я же сказала, что помогу тебе, – она с силой прижала меня к стене и приблизила лицо к моей кровоточащей шее.

Я чувствовала на коже ее дыхание и хотела оттолкнуть, но от усталости и полного эмоционального опустошения никак не среагировала. Монике все еще было сложно доверять. Она была добра ко мне все это время, но теперь вела себя странно.

– Хозяин... – она накрыла ладонью мое лицо и слизала с ключицы тонкую струйку крови. Не видя ее, а лишь чувствуя прикосновения влажного языка, я испугалась еще сильнее и оцепенела, не решаясь сдвинуться с места.

– Что вы тут делаете? – рядом с нами внезапно раздался спасительный голос водителя, который вез меня сюда.

– Черт возьми! Не пугай так! – Моника отстранилась от меня и быстро вытерла рот рукавом. На белой ткани ее платья тут же отпечатались красные разводы.

– Ей запрещено ходить тут без мешка, забыла?

– Нет, не забыла.

– Давай-ка я сам ее отведу, – парень выхватил у Моника ключ от комнаты, который она все это время держала в руке, и мешок и быстро нацепил на меня последний.

Грубо схватив под руку, он потащил меня по коридору.

– Ей иногда сносит крышу, – сказал парень, когда мы немного отошли. Рассмотреть я его толком не успела. Но мне грело душу, что хоть кто-то здесь одевается просто, по-городскому, в обычные джинсы и футболку. Видимо он чаще других уезжает из этого дома и имеет доступ к внешнему миру. – Но она бы не сделала с тобой ничего плохого. Через час это будет старая добрая Моника. Я, кстати, Никки. Нам так и не довелось познакомиться в машине.

– Адена, – хорошо, что он не видел меня в тот момент, потому что эмоции стали вырываться наружу, паника и страх усилились, и, скрытая под мешком, я впервые в жизни переживала поистине убийственную истерику.

Монике я больше не хотела и не могла доверять. Скорее всего, она заговаривала мне зубы, чтобы знать о моих планах и мыслях. Она такая же, как и ее хозяин-вампир – готова сожрать меня до последней косточки. Кроме этого, Никки, который вроде казался адекватным, больше не на кого было делать ставку. С перепугу я решила, что он моя последняя надежда. Даже если он одурманен приказами хозяина, что-то человеческое, мужское, в нем должно было остаться.

Когда он привел меня в комнату и снял мешок, я, забыв все нормы приличия, тут же развернулась и кинулась к нему на шею. Никки растерялся и молча смотрел, как я глажу его по спине и прижимаю голову к груди.

– Что на тебя нашло? Отпусти меня, – сказал он тихо, озираясь по сторонам, хотя, кроме нас двоих, в комнате не могло никого быть.

Я подняла на него глаза. Он отдаленно напоминал мне Майкла своими темно-рыжими кудряшками, и какое-то теплое чувство вдруг обернулось пару раз вокруг моего сердца.

– Побудь со мной, умоляю!

– Но тебе нужно обработать рану...

– Не нужно! Лучше я истеку кровью и умру, чем вернусь к этому извергу еще раз!

– Хозяин очень вспыльчив. Знаешь, как мне от него достается? В детстве весь в синяках ходил, а сейчас все нормально.

– Но он не пытается тебя убить!

– Вообще-то, пытался пару раз, – он смущенно улыбнулся. – Все, пусти.

Он с легкостью развел мои руки и оставил стоять посреди комнаты. Сам же направился к шкафу, где достал бинт и перекился.

– Никки, я тебе нравлюсь? – я была готова сделать для него все что угодно, лишь бы зацепиться за возможность сбежать.

– В каком смысле? – он посадил меня на койку и стал ватными тампонами обрабатывать шею.

– Останься здесь на ночь, – раны нещадно щипали, но это переносилось действительно легче, чем в прошлый раз.

– Я не могу, – уши его покраснели, и он, еще сильнее засмутившись, старался не пересекаться со мной взглядами.

– Или ты предпочитаешь мужчин?

– Нет, – он снова улыбнулся. – Я никого не предпочитаю. Просто не могу и все.

– Хозяин приказал?

– Нет, это мое личное решение.

– Так ты не можешь или не хочешь?

– Может, и хотел бы, но не могу. Все, хватит меня расспрашивать, – он закрутил несколько слоев бинта вокруг шеи и завязал концы крепким узлом.

Его простота и спокойный тон вывели меня из себя.

– Подумай головой! Своей, а не вампира! – я закричала на него. – Чем вы занимаетесь? Крадете людей и заставляете их медленно умирать из-за прихоти какого-то психа! У тебя же есть машина, вызови полицию, спецназ, кого угодно!

Я схватила его за грудки и попыталась повалить на кровать. Но из-за потери крови и пережитого стресса ужасно себя чувствовала и, глядя на его спокойное лицо, поняла, что преимуществ у меня нет.

– Анаксимандер мне как отец, я люблю его всем сердцем, – сказал он словно заученную фразу. – Любое его действие и приказ для меня закон. Пока ты ему полезна, и он не разрешит отпустить тебя, я не стану ему препятствовать.

– Тебе нас не жалко? Ты ведь тоже молодой парень, у тебя могла бы быть семья, работа, учеба, а в итоге ты торчишь тут и прислуживаешь вампиру!

– Но мне это в радость. Ты не поймешь этого, пока не полюбишь его. Он спас всех нас от ужасной жизни там, во внешнем мире. Если бы не хозяин, многие из нас не дожили бы и до тридцати.

– Ты всегда рядом с хозяином? Почему он напал именно на меня?

– Он был на пределе, вот и не выдержал. Нельзя было оставлять тебя там, с укушенной шеей, иначе мы навели бы на себя подозрения.

– Анаксимандер, он смертен? В чем его слабость?

– Замолчи! Я даже думать не хочу о том, что когда-то он может нас оставить. Даже думать не хочу... – он сжал губы и, казалось, сейчас расплечется. – Не смей говорить об этом! Тебе выпала великая честь, а ты вот так себя ведешь! Знаешь ли... – он будто пытался подобрать слова, чтобы оскорбить меня посильнее. – ... отцу не нравятся шлюхи!

– Ох, ему не нравятся шлюхи! – меня вдруг разобрал смех. Успокоившись, я снова схватила его за ворот футболки. – А тебе, Никки, нравятся шлюхи?

Этот вопрос поставил его в тупик. Он отвел голову назад, дернул меня за руки и освободился от приставаний без особых усилий. В одну секунду он помрачнел, встал с кровати и направился к выходу.

– Если вдруг решишь, что нравятся, я тебя жду, – сказала я спокойно, без особой надежды, что увижу его снова.

Он злобно посмотрел на меня, будто я оскорбила его до глубины души, либо, наоборот, что-то в этой душе побеспокоила. Никки вышел за дверь и, громко хлопнув ею, закрыл меня на замок.

Глава 4

Следующие дня три меня никто не трогал. Все, чем я занималась – это спала, ела и обрабатывала раны. Моника больше не составляла мне компанию во время приемов пищи, она лишь молча приносила поднос и также безмолвно его забирала. Мне показалось, что она чувствует себя виноватой, но было уже плевать. Если извинится, то, быть может, я снова буду с ней общаться. Хотя кого я обманываю? Наверняка мне недолго стало – месяца три. Любой, даже самый ужасный день из моей прошлой жизни я бы поменяла на это место. Всякое случалось: бывало, мы с мамой питались одной кашей и хлебом, а еще дети в младшей школе пытались травить, пока им не надоело, что я ничем не отвечаю. Я бы даже хотела переместиться в тот день в детстве, когда отец слегка перебрал и случайно ударил меня. Его злоба сразу же испарилась, оставив после себя лишь раскаяние и чувство вины, и это вселило в меня надежду, что такого больше не повторится. Конечно, эту боль не сравнить с тем, что я испытала в плену Анаксимандера. Его издевательства были особенными: он действовал мне на нервы, пытаясь сломить волю и сдаться. Было стойкое ощущение, что я не интересовала его ни как личность, ни как женщина. Ценность имел лишь биологический материал из красных кровяных телец, который чудесным образом хранил его молодость и красоту. В конце концов, я решила, что не стану играть по его правилам. Пусть лучше он убьет меня, пока свобода воли меня не покинула.

«То, что не прокатило с Никки, возможно, прокатит с ним», – смело подумала я, одеваясь на очередную встречу, о которой меня оповестила Моника.

Уже знакомая с процедурой, я переоделась в то же самое платье, что и в прошлый раз, сама надела на голову мешок. Моника улыбнулась, когда увидела, какая я сегодня была покорная. Но она не знала, что, возможно, я, как и в прошлый раз, задумала смертельную выходку.

«Если понимаешь, что сейчас буду бить, бей первым», – вспомнила я слова «старшего», который таскался к нам в общежитие. К чему он это сказал, уже никто бы не вспомнил.

Анаксимандер и я снова сидели в той же самой маленькой комнатке, заставленной антиквариатом. Теперь он подготовился и за едой читал газету. Ели мы опять то же самое – овощной салат и рыбу.

«Если выберусь отсюда, больше никогда не смогу есть стейки», – подумала я, расковыривая семгу.

– Можно спросить? – разрушила я тишину, отчего вампир нехотя оторвался от газеты и посмотрел на меня. Он выглядел каким-то уставшим, и его давящий взгляд пугал до дрожи в коленях.

– Ты снова хочешь поиграть?

– Нет. Просто формальности.

– Когда дочитаю статью, – он снова уткнулся в газету. Анаксимандер бегал глазами по страницам так долго, и я поняла, что он меня обманул и читает уже не одну статью, а целых десять.

– Что пишут? – как ни в чем не бывало спросила я, жуя помидор.

– Скоро выборы в Парламент.

– Пойдете голосовать?

– Нет, – он хмыкнул.

– А я бы сходила.

– Там без тебя разберутся, – вампир разговаривал, смотря в колонки, и совершенно не обращал на меня внимания.

– Почему я ем перед, кхем, процедурой?

– Не хочу, чтобы ты преждевременно вырубилась.

– А что так? Бездыханные тела ведь безобидные, с ними можно делать что угодно.

«Хозяину не нравятся шлюхи», – пронеслось у меня в голове.

Тут он, наконец, оторвался от газеты и с недоумением на меня посмотрел.

– Смотрю, вы поели, может, приступим?

– Ты как-то резко изменилась с нашей последней встречи, опять что-то задумала?

– О, нет. Просто хочу быстрее отмучиться.

Я вышла из-за стола и подошла к тому самому дивану, где он обозвал меня «куском мяса».

– Хозяин, – с трудом выдавила я из себя это унижительное слово. – Я могу кое о чем попросить? Это касается наших с вами встреч.

– И что же это?

– В прошлый раз мы испачкали тут все вокруг, подушки, мое платье и, уверена, вашу одежду, – я смирив взглядом его очередной черный костюм. – Может, стоит в более приятных условиях все это проводить? А то в столовой, да еще и Моника тут где-то стоит.

Чтобы он не успел вспылить, я резко стянула с себя через голову платье, оставшись в одном нижнем белье.

– Уверена, так будет лучше, – внешне самоуверенная, но внутри трясущаяся от страха, я повернулась к нему передом.

Анаксимандер отложил газету. Ни единой эмоции не выражало его лицо, будто со стенкой разговариваю. Он осмотрел меня с ног до головы и пригладил волосы на затылке.

– Моника, приготовь комнату! – обернувшись, сказал он куда-то в темноту.

Я готова была запрыгать от радости, что хоть какая-то моя хитрость удалась. Чувствуя себя Матой Хари, с отличием в том, что шпионила я не в пользу Германии, а в свою, я глубоко вздохнула и машинально поправила сползшие лямки бюстгалтера. В этот момент, наконец, заметила, что вампир, облокотившись на спинку и закинув ногу на ногу, рассматривает меня уже не с тем равнодушием, на которое он только и был способен. Теперь ясно чувствовался интерес ко мне. Своей выходкой я, видимо, смогла вытащить себя из статуса «подопытного кролика» и перейти в разряд «одноразовой игрушки».

– Оденься уже, – рявкнул он, и я, словно по приказу, быстро надела платье обратно. Испугавшись, что он сейчас опять на меня накинется, я тихо присела на краешек дивана и покорно ждала неизвестно чего. С каждой секундой понимание того, что я натворила, все сильнее убивало во мне храбрость и веру в успех.

– Бедное поруганное имя! Сердце мое, как ложе, приютит тебя... Знаешь, откуда эти строки? – внезапно продекларировал он.

– Нет, но могу предположить, что Шекспир, – наугад сказал я.

– Читала что-нибудь?

– Только самые знаменитые пьесы: «Ромео и Джульетта», «Гамлет», «Отелло».

– «Отелло» – моя любимая.

– Потому что там убивают женщину?

– Нет, – он слегка улыбнулся, прищурив глаза. – Антагонист настолько мастерски манипулирует главным героем, что меня каждый раз охватывает восхищение его наглостью и коварством.

– Но ведь все пьесы Шекспира построены в таком духе.

– Так и есть, но конфликт всегда разный. «Отелло» учит тому, что можно быть ревнивым, главное – не быть слишком доверчивым.

«На что он намекает? Раскусил?» – подумала я, невольно отвлекшись от тревог этой культурной беседы. Не хотелось бы обсуждать классику с вампиром, что силой держит меня взаперти, но от одиночества и тоски я уже была рада пообщаться на отвлеченные темы даже с ним.

Тут из сумрака выплыла Моника и сказала, что все готово. Глаза ее были красными, будто она их долго терла.

– Что случилось? – заботливо спросил ее вампир и поманил девушку к себе.

– Ничего, просто Дездемону жалко.

– А если бы я приревновал тебя и убил в порыве ярости? Ты бы испытывала к себе жалость?

– Нет, хозяин. Вы мой отец, брат и муж. Я буду рада принять от вас смерть.

– А если я сделаю вот так, ты будешь меня любить? – он схватил ее за руку и опасно оттопырил мизинец.

Я услышала негромкий треск, который тут же перешел в надрывный крик Моника. Она опустилась на пол у ног вампира, и, дрожа всем телом, держала перед собой руку, на которой ее хозяин только что сломал ей палец.

– Я люблю вас, и все для вас сделаю, – сказала она, едва сдерживаясь, чтобы не заплакать от боли.

– Проводи нашу принцессу, – как ни в чем не бывало Анаксимандер отдал приказ и взял газету, которую не успел дочитать за едой.

Моника быстро вскочила и подлетела ко мне. Резко схватив за руку, она потащила меня в коридор, где мы уже ходили до этого, только теперь глаза не были спрятаны под мешком. Мне было жалко Моника, но судя по ее реакции, это было не первым случаем подобной жестокости. Она много готовила и стирала, а со сломанным пальцем ей теперь будет куда сложнее выполнять свои обязанности. Я прониклась к ней состраданием, но в то же время презирала за слепую покорность, хотя и понимала, что она в этом не виновата. За время пути она не проронила ни слова, лишь сильнее держала меня за локоть здоровой рукой. Я успела осмотреть коридор: простые, выложенные красным кирпичом, стены с тусклыми электрическими лампами на потолке. Напрашивался вывод, что я находилась под землей, поэтому мобильный мне не поможет – связь здесь, скорее всего, не ловит. Раньше в старых замках такие подземелья выкапывались, чтобы сделать хранилища для зимних запасов или для тайных ходов между этажами и комнатами. Пытаясь вспомнить, где могли на Туманном Альбионе находиться подобные достопримечательности, я не заметила, как мы подошли к еще одной двери, которую я, естественно, раньше не видела. Я подумала, что сейчас можно попробовать вырваться и бежать куда глаза глядят.

Вдруг Моника развернулась ко мне и ласково обняла. Я дернулась, но она крепко, как капкан, держала меня.

– За что он тебя так? – спросила я, поняв, что побег сейчас не выгорит.

– Он все чувствует, Ади. Я соврала ему, и он наказал меня за это.

– Разве ты можешь ему врать?

– Могу, но мне это очень тяжело дается, аж сердце разрывается. Отец давно не давал мне своей крови, я уже с ума схожу. Прошу у него, прошу... А он запрещает! – она почти что рыдала. – Я помогу тебе бежать, но ты должна кое-что сделать, – Моника прижалась к моему лицу и стала едва слышно нашептывать. – Там, в комнате, я оставила под креслом нож. Добудь мне крови хозяина. Я буду поджидать тебя снаружи.

Я не успела ничего ответить. Моника, быстро орудуя ключами, открыла дверь и со всей силы толкнула меня внутрь. Дверь громко закрылась, и я испуганно осмотрелась.

Сказать честно, я ожидала увидеть либо комнату пыток, либо очередной медкабинет. Но представленный интерьер был больше похож на мебельный склад. Плотно прижатыми друг

к другу стояли у стен завернутые в пленку диваны, большие кресла, тумбы и напольные лампы с гигантскими резными абажурами.

Анаксимандер был уже там. Либо он умеет перемещаться в пространстве, либо воспользовался каким-то тайным ходом. Единственная лампа на потолке не освещала некоторые углы комнаты, поэтому я не могла удостовериться ни в одном, ни в другом варианте. Развалившись на одном из кресел в своей любимой позе, ногу на ногу, он сидел спиной ко мне и, похоже, опять что-то читал. От нахождения в очередном замкнутом пространстве наедине с этим монстром у меня началась паника. Я вжалась в стену, молясь всем богам на свете, чтобы стать невидимой или просочиться, как привидение, сквозь стену.

– Когда-то на этих диванах лежали графы и князья, а теперь они пылятся в подвале, – сказал он и снова на несколько минут замолчал. – Удивительная штука – жизнь. За эту картину, – он вытянул руку и указал на стоявшее у стены полутораметровое полотно, где была изображена красивая женщина средних лет в роскошном платье и увешанная драгоценностями, – была настоящая драка. Знаешь, что это за леди?

– Н-нет, – тихо промямлила я и уселась на краешек ближайшего ко мне кресла.

– «Прекраснейшая Виолетта», так называется картина. Эта леди была замужем за состоятельным предпринимателем, но супруг пропал на войне, а в это время она быстро промотала все его состояние, и, почувствовав вкус бедности, решила найти себе спонсора, как сейчас модно говорить. Вскоре она познакомилась с ревнивым и взбалмошным генералом Генрихом Монтомгери. У них завязался бурный роман, но была одна проблема – муж Виолетты внезапно оказался жив. В течение нескольких лет Виолетта металась между ними. Мужа она вроде как любила, но жить с ним в нищете не хотелось, а генерал обладал ужасным характером, но обеспечивал ее и поэтому обеспечивал. Справедливость восторжествовала, и Виолетта внезапно скончалась от болезни. Безутешный генерал заказал ее портрет, но об этом прознал муж. Когда генерал перевозил готовую картину к себе домой, супруг Виолетты выследил его и выстрелил в полотно, в надежде испортить картину, чтобы любимая никому не досталась даже после смерти.

Я внимательно посмотрела на портрет. Он казался целым и невредимым.

– Генерал закрыл собой картину и получил пулю прямо в легкое. Скончался на месте. Мужа арестовали и отправили в колонию, где он подхватил тиф и тоже вскоре умер.

– Весьма грустная история, – без доли сарказма сказала я.

– На аукционах много таких интересных вещей с историями и получше. Мне удалось выкупить все это фактически за бесценок. Быть может, кресло, на котором я сейчас сижу, было любимым предметом мебели какого-нибудь короля.

– Почему вы мне все это рассказываете?

– Нет особой причины. Современные молодые люди знают, кто такой Шекспир, и в то же время читают что-то такое, – он повернулся ко мне лицом и слегка помахал той самой книжкой, дешевым любовным романом, из моего рюкзака.

Я почувствовала одновременно стыд и облегчение, потому что хотя бы поняла, что мои вещи находятся либо у него, либо у Никки.

– Какая разница? – спокойно парировала я. – Это моя жизнь – что хочу, то и читаю. Не вам меня судить.

– Как думаешь, Отелло бы одобрил, найди он у нежной и чистой Дездемоны подобную литературу?

– Судя по тому, что он ее убил из ревности – вряд ли. Но я не Дездемона, а вы не Отелло.

– Это ты верно подметила, – он замолчал на минуту, я слышала, как он шелестит страницами. – Я тоже прочитал. Особенно мне понравилась та часть, где главные герои встречаются и предаются долгожданной любви. Как ни странно, но хорошие концы даже во мне вызывают теплые чувства.

Мне стало не по себе. Наученная прошлым опытом, я понимала, что он может сорваться в любой момент. Я будто прогуливалась по минному полю. Меня грела лишь мысль о Монике, что ждет меня за дверью, но пока вампир сидит лицом ко мне, выиграть время и сбежать не получится. Пока я размышляла, Анаксимандер опять углубился в роман.

– Читай с этой страницы вслух, – он швырнул в меня книгу в мягкой обложке, но я не смогла поймать и полезла поднимать ее, уже измятую и пережившую много читателей, с пола. Тут мой взгляд упал на стоявшее напротив еще одно кресло. Под ним, в узком пространстве между полом и шелковым расписным сиденьем, лежал складной нож. Я быстро повернула голову – вампир снова отвернулся и сидел спиной ко мне. Молниеносно вытащив нож и подняв книгу, я уселась обратно в кресло и засунула нож под резинку трусов на боку. Благодаря свободному платью, прямоугольной ручки ножа было совсем не видно. Что делать дальше? Добыть его крови? Моника просила ранить своего хозяина?

Я открыла на той странице, где был залом, и ощутила всю неловкость ситуации. Он выбрал далеко не самый пикантный момент, но лучше от этого не становилось. Почему-то в тот момент мне стало жаль, что я не вернула эту постыдную литературу своей однокурснице. Я наигранно откашлялась и принялась читать вслух.

– Алекс не виделся с Софи уже больше трех месяцев. Эти дни и часы разлуки давались ему очень тяжело. Пускай его и грели фотографии возлюбленной, но надобность ощущать ее присутствие физически не отпускала его тело и душу. Он не стремился изменять ей, хотя признавался себе, что, грешным делом, засматривался на других женщин и всегда понимал, что в них есть что-то от Софи: то цвет волос или прическа, то фигура, то голос. Одинокими вечерами, когда тоска наиболее сильно одолевала его, он ходил перед сном освежиться под прохладный душ. После чего ложился в постель и размышлял о завтрашнем дне. Но дела насущные быстро покидали его голову, оставляя лишь простор для фантазий, что мучили его днями и ночами. В такие моменты Алекс мог себе позволить перестать быть скромным клерком и дать волю тайным желаниям. Алекс закрывал глаза и придумывал поистине невероятные образы, наряжая возлюбленную в самые откровенные костюмы... – мне стало неловко. Кровь прилила к лицу, и я закрылась книгой.

– Дальше можешь не читать, – подал голос все это время молчавший вампир.

Я облегченно вздохнула. Вот каково это – получить освобождение от пытки. Я перевела дух, закрыла книгу и положила рядом с собой. Если все идет по плану, значит, он сейчас и за меня примется.

– Забавный парень этот Алекс, – сказал Анаксимандер, внезапно оказавшись рядом со мной.

Он сел на широкую ручку кресла и, положив руку мне на плечо, прижал мою голову к своей груди. Я услышала, как бьется его сердце – медленно и как будто через силу. По сравнению с ним, я пробежала сейчас Марафонскую дистанцию. Потом он снял руку с плеча и поправил мне волосы, чтобы обнажить шею. Опять он принялся гладить старые укусы, которые, как ни странно, зажили гораздо быстрее, чем первые.

– Сначала всегда больно, – продолжил он. – Мне нравится твоя воля к жизни, вернее, к побегу.

Тут меня обдал холодный пот. Неужели он понял, что Моника мне помогает?

– Еще мне нравится, что из-за тебя я чувствую неловкость. Так давно меня никто не вгонял в краску, хотя, если честно, эти чувства не доставляют мне ничего: ни страданий, ни удовольствия. Все одно – еда, питомцы, книги. Лишь одно меня радует – ощущение того, что кости снова гнутся, что пища приобретает вкус, что можно не прятать лицо и наслаждаться солнцем. А ты... – он водил подушечками пальцев от моей ключицы до подбородка и обратно. – Ты должна быть счастлива, что попала сюда. В чем заключалась твоя жизнь «там»? Отучиться,

пойти работать, найти самца и нарожать ему детей? – философски спросил он то ли меня, то ли мебель.

– А что в этом плохого? – аккуратно уточнила я.

– Разве ты не чувствуешь бессмысленности жизни? Замкнутого круга, из которого невозможно выбраться? Природой тебе отпущено так мало времени, поэтому нужно быстрее размножиться, пока твои чресла еще на что-то способны, а когда потомство вырастет, ты станешь никому не нужна.

– Но ведь необязательно заводить семью. У вас не было детей, вероятно, вы очень счастливы? – он продолжал гладить мою шею, и я без конца покрывалась ледяными мурашками.

– В отличие от меня, ты очень подвержена биологическим ритмам. Даже если ты считаешь необязательным заводить семью, то признай хотя бы, что твои желания низменны и стереотипны, ты просто не осознаешь этого. Что тебя ждет во внешнем мире? Я наблюдал за тобой какое-то время. У тебя нет никаких особых талантов, ты даже в институт не смогла поступить. Внешность же, – он задумчиво погладил подбородок. – обычная. Родители твои небогатые, а сама ты никогда не заработаешь на лучшую жизнь без чьей-либо помощи.

– Не все обязаны быть талантливыми или одаренными. А что семья? Вообще не обязательно выходить замуж или жениться. Многие люди жили одни и создавали шедевры, например, знаменитые художники и писатели, – я поежилась и вжалась в кресло, чтобы скрыть торчавший из нижнего белья нож, который от моих телодвижений начал выскакивать и выпираться из-под платья.

– И страдали от этого. Даже я, будучи не очень общительным, окружил себя питомцами, что искренне любят меня и никогда не предадут.

– Вы имеете в виду своих слуг?

– Да, все они: Моника, Никки и остальные – мои милые дети, мои питомцы. Тебе же сказали, что я больше всего ценю в своих слугах?

– Покорность, – тихо сказала я.

– Верно. Мне осталось совсем немного, чтобы восстановить свое здоровье. И если ты будешь себя хорошо вести, я, быть может, впущу тебя в свою семью. Кажется, Моника к тебе привязалась, ей тоже будет приятно.

– А если не буду?

Он больно обвил пальцами мою шею.

– Слушай внимательно – я не привык повторять дважды, – тон его перестал быть спокойным и располагающим. – Сначала я отрублю тебе руки, а потом ноги. А когда мне надоест слушать твои глупости, то и язык отправится на корм бродячим собакам. Ты будешь похожа на резиновую куклу.

Меня снова обдал холодный пот. После этих угроз вся моя храбрость и мысли о подобии Мате Хари испарились в один момент. Я почувствовала себя маленьким котенком, которого загнал в угол огромный пес и скалит на него зубы, готовый вот-вот напрыгнуть и разорвать на части.

Тут он наклонил мою голову и коснулся шеи клыками.

– Чем ваша семья отличается от обычной людской, которую вы считаете недостойной? – выпалила я в надежде, что это отсрочит пытку. Вопрос, на удивление, сработал, потому что он снова оторвался от меня, задумчиво уставившись в стену.

– Многим. В нашей семье строгая иерархия, но все строится исключительно на взаимной любви. Я воспитывал своих питомцев в уважении и почете к своему отцу. Они рады быть моими, а я рад ими распоряжаться. Если кто-то из них захочет вернуться во внешний мир, то никто держать не будет. Но они не уйдут. Потому что слишком любят меня. Я спас их от тупого, бессмысленного существования, от поисков смысла жизни. Они нашли его во мне, существе

высшего порядка, который возвышается над вами, мелкими тараканами. Они едят, пьют и спят под моим кровом. Мои питомцы – самые счастливые существа в мире.

– В обычной патриархальной семье одна женщина прислуживает мужчине, а вам прислуживает десяток женщин, разве это лучше?

– Они здесь по своей воле. Они благодарны за возможность трудиться для моего блага и просто жить. Наверное, тебе покажется это странным, маленькое испорченное создание, – сказал он шепотом мне на ухо, – но я не эксплуатирую их тела.

– Почему? Обладать целым гаремом – мечта любого.

– Неужели тебя не прельщает господин, которому неинтересно, что у тебя между ног? В отличие от твоего бариста. Рассказать, что он с тобой сделает на первом же свидании?

– Нет! Не надо! – забывшись, я закрыла уши руками. Тут только до меня дошло, что она давит мне на психику и попросту запугивает. Выставляет себя с хорошей стороны, а мою прошлую жизнь поливает помоями. Если он будет постоянно так делать, я могу не выдержать и сдаться.

«Я – Мата Хари, и не должна его бояться!», – шептала я про себя, словно молитву.

– Но ведь семья – это не только подчинение одного другому, это и нежные чувства друг к другу, доверие и все такое. Почему бы вам не попробовать поменять одно на другое?

– Что ты имеешь в виду?

Воспользовавшись замешательством, я выскользнула из его рук, и, делая вид, что поправляю юбку, придержала нож, чтобы тот предательски не выпал.

– Послушав вас, я поняла, что вам кое-чего не хватает. В чем смысл долгой жизни, если вы только и занимаетесь разведением «питомцев»? Получается, вы как будто заставляете их любить себя? А как же искренние чувства?

Я залезла к нему на колени и обняла одной рукой за плечи.

– Зачем ходить вокруг да около? Вы мне нравитесь, и я вам, наверное, тоже.

Он не сопротивлялся моим действиям, хотя и было видно, что я повергла его в некоторый конфуз. Анаксимандер нахмурился и тоже обнял меня, положив руки на спину. Его кожа была ни холодной, ни теплой. Он был как металл, который нагревался от каких-то внешних факторов, а не от работы внутренних органов, кровообращения и всего остального.

– Вы никогда не обнимаете своих питомцев?

– Нет, – равнодушно ответил он.

– И не целуете?

– Нет.

– Хотите, я вас поцелую, – я делала ставку на то, что он не отталкивает меня. Будь ему вообще неприятны мои действия, он бы уже давно сделал свое кровавое дело и отослал меня.

Он не ответил, лишь удивленно повел бровью. Я приняла это за знак согласия и сухо чмокнула его в уголок рта.

– Ну как? Может, еще?

Он снова не ответил, а я, набравшись храбрости, снова чмокнула его уже прямо в чуть теплые губы. Я удивилась тому, какой он слишком «обычный» человек. Если откинуть его клыки и потребность в крови, то его вообще ничем не отличить от старомодного жителя Англии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.